

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечати». Индекс 14243

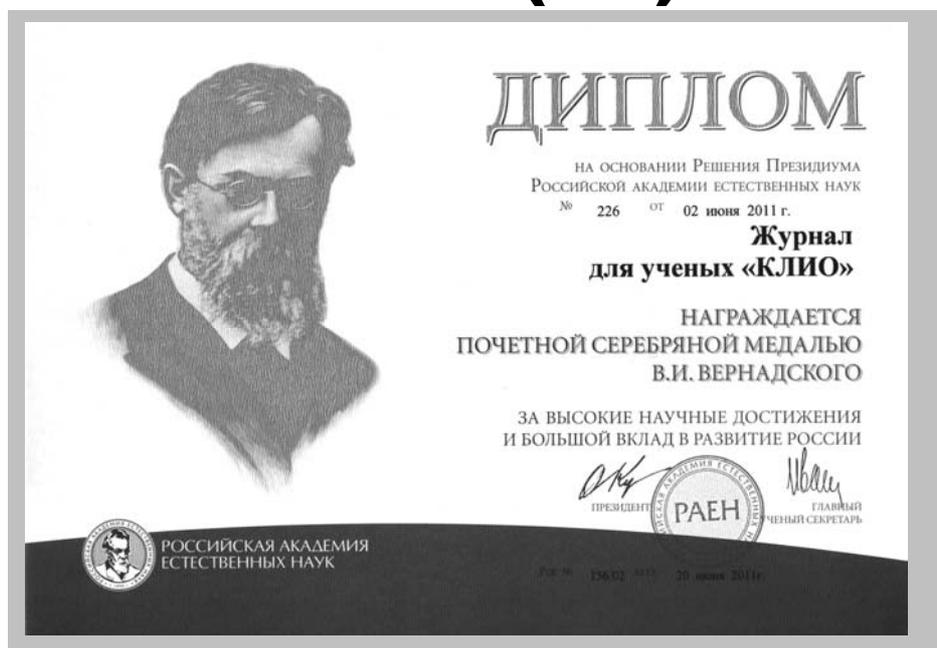
Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых

№ 10 (82)

Решением президиума Афро-Евразийской академии естественных наук от 11.11.2011
Издательство «ПОЛТОРАК» награждено специальным дипломом
за вклад в популяризацию науки и сохранения культурного наследия Человечества

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПОЛТОРАК »
2013**

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. И. Аврус, доктор исторических наук, профессор (Саратов)
А. П. Богданов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ф. Бондаренко, доктор исторических наук (Москва)
Й. Бэкман, доктор общественно-политических наук, доцент (Хельсинки, Финляндия)
Ю. С. Васильев, академик РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)
Л. Е. Горизонтов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Д. Дейли, доктор исторических наук, профессор (Чикаго, США)
М. В. Ежов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Н. Еремеева, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
С. С. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Челябинск)
В. А. Золотарёв, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
Г. М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
А. Кан, доктор исторических наук, профессор (Стокгольм, Швеция)
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(ответственный секретарь)
С. Г. Кащенко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Ф. Киселев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ф.-К. Кокен, доктор исторических наук, профессор (Париж, Франция)
Ш. Кройцберггер, доктор исторических наук, профессор (Потсдам, Германия)
И. В. Кулцова, доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. В. Лосик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор (Казань)
И. П. Медведев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
С. С. Минц, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор (Ставрополь)
В. В. Носков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Е. Н. Носов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
П. А. Подболотов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Попов, доктор исторических наук, профессор (Сыктывкар)
А. И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор (Самара)
О. А. Ржешевский, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ю. В. Рубцов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Е. И. Самарцева, доктор исторических наук, профессор (Тула)
Е. С. Сеняевская, доктор исторических наук (Москва)
Г. В. Серебрянская, доктор исторических наук, профессор (Нижний Новгород)
Т. И. Сидненко, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)
Ю. Н. Солонин, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В. Е. Триодин, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
И. В. Яблочкина, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации № П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300.

Тел.: (812) 534-28-28; (812) 335-31-00 (*4224)

Почтовый адрес редакции: 195220, Россия, Санкт-Петербург. ООО «Полтора». До востребования.

E-mail: nestorklio@mail.ru;

Официальный сайт: <http://poltorak.spb.ru/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

«Клио», 2013

Авторы публикаций, 2013

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала. Ссылка на «Клио» обязательна

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи в одном экземпляре объемом до 1,5 печатного листа (электронная версия обязательна). Сноски располагать в конце текста в соответствии с библиографическими требованиями ГОСТа. С текстом статьи необходимо предоставлять аннотацию (500 знаков), ключевые слова (5–6 слов), фотографию и один экземпляр внешнего отзыва заверенного печатью. Внешний отзыв рекомендуется отправить по почте России.

Сведения об авторе должны включать: фамилию, имя и отчество полностью; образование с указанием законченного учебного заведения; должность и место работы; ученую степень и звание; почтовый индекс, домашний адрес, телефон, E-mail.

В случае отсутствия у автора адреса электронной почты или номера телефона редакция журнала для ученых «Клио» указывает свои контакты и берет на себя ответственность за связь читателей с автором публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Порядок рецензирования рукописей авторов, представленных в редакцию журнала для ученых «Клио»

1. Все поступающие статьи проходят предварительную экспертизу главного редактора журнала «Клио».
2. Главный редактор распределяет поступившие в редакцию материалы для углубленной экспертизы членами редколлегии. Статьи авторов передаются на экспертизу с учетом сферы научных интересов, исторической специальности авторов материалов и членов редколлегии.
3. По итогам экспертизы каждый член редколлегии представляет главному редактору письменное заключение объемом 1800–3000 печатных знаков.
4. В случае отрицательной рецензии ее текст отсылается автору с пожеланиями доработки или переработки текста статьи.
5. При положительной письменной рецензии члена редколлегии статья направляется для дополнительной экспертизы ко второму эксперту – специалисту по проблематике, исследуемой в статье.
6. В случае отрицательного письменного отзыва второго эксперта статья направляется автору на доработку или переработку.
7. В случае положительного отзыва второго эксперта статья выносится на обсуждение членов редколлегии, которые на своем заседании принимают окончательное решение о публикации.
8. Главный редактор журнала лично решает, в каком из номеров «Клио» будет опубликована статья, о чем редакция уведомляет автора.

Примечание:

Заседание членов редколлегии журнала для ученых «Клио» проводится 1 раз в 2 месяца. Дата заседания определяется по согласованию с членами редколлегии. Проезд иногородних членов редколлегии к месту проведения заседания и обратно оплачивается за счет редакции журнала.

Допускается заочное участие в заседании посредством общения в режиме on-line или посредством переписки по электронной почте.

ЖУРНАЛ «КЛИО» ВЫПИСЫВАЮТ:

Барнаул	Омск
Владимир	Оренбург
Волгоград	Провидения
Воронеж	Псков
Екатеринбург	Ростов-на-Дону
Иваново	Самара
Иркутск	Санкт-Петербург
Калуга	Саратов
Кандалакша	Серпухов
Кемерово	Стерлитамак
Киров	Ступино
Кострома	Сыктывкар
Краснодар	Тамбов
Красноярск	Тверь
Курск	Томск
Магадан	Тура
Минусинск	Уфа
Москва	Уяр
Мурманск	Челябинск
Нижнекамск	Черкесск
Нижний Новгород	Шебекино
Новосибирск	Южно-Сахалинск
Норильск	Ярославль

The editorial staff of «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the magazine in their countries. Please contact us by E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru www.poltorak.spb.ru

We are convinced that this magazine has an enormous potential which would make an interesting business for the cooperating partner regarding the sale of subscriptions as well as free sales.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кропачев Н.М.</i> К читателю	3
<i>Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Изучение истории университета на историческом факультете	4
Академический университет. Главный педагогический институт. 1725–1819.	
<i>Костина Т.В.</i> (Санкт-Петербург). Пространство Академических гимназии и университета: материалы к истории. 1724–1805 гг.	6
<i>Жуковская Т.Н.</i> (Санкт-Петербург). Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819)	15
ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. 1819–1917	
<i>Жуковская Т.Н., Любезников О.А.</i> (Санкт-Петербург). Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения	26
<i>Ростовцев Е.А., Баринев Д.А.</i> (Санкт-Петербург). Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917)	36
<i>Баринев Д.А.</i> (Санкт-Петербург). Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг.: статистический анализ.....	42
<i>Тихонов И.Л.</i> (Санкт-Петербург). Археологические коллекции в музеях Императорского Санкт-Петербургского университета	49
<i>Олесич Н.Я.</i> (Санкт-Петербург). Петербургский университет на пути к олимпийскому движению	54
<i>Ростовцев Е.А.</i> (Санкт-Петербург). Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890)	57
<i>Зиборова Е.О.</i> (Санкт-Петербург). Студенческие переписи в петербургском университете в начале XX в.....	65
<i>Брачев В.С.</i> (Санкт-Петербург). Студенческие волнения октября-декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете	68
<i>Ростовцев Е.А., Андреева В.В.</i> (Санкт-Петербург). Кризис 1911 г. в Петербургском университете в зеркале российской прессы.....	77
<i>Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Г.В. Вернадский и Петербургская историческая школа	88
<i>Ходяков М.В.</i> (Санкт-Петербург). Иван Адрианович Михайлов: студенческие годы будущего министра финансов в правительстве А.В. Колчака	92
<i>Гаврилова О.А.</i> (Санкт-Петербург). И.Л. Солоневич: «Я более или менее окончил Санкт-Петербургский императорский университет...» (Опыт сравнительной студенческой биографии).....	94
<i>Ратьковский И.С.</i> (Санкт-Петербург). Из Вильно в Петербург: выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете.....	99
<i>Зиборов В.К.</i> (Санкт-Петербург). О свидетельствах и дипломах бестужевок	102
УНИВЕРСИТЕТ В XX ВЕКЕ	
<i>Кривоноженко А.Ф.</i> (Санкт-Петербург). Процесс советизации Петроградского университета в 1918–1922 гг..	104
<i>Петров В.В.</i> (Санкт-Петербург). «Большой была его работа и яркой – жизнь его...». В.Б. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета. 1926–1927 гг.	109
<i>Зиборов В.К.</i> (Санкт-Петербург). Военные страницы одной биографии преподавателя университета	112
<i>Петров И.В.</i> (Санкт-Петербург). Исторический факультет ЛГУ 1930-х гг. в воспоминаниях Николая Николаевича Рутченко-Рутыча. (Памяти Н.Н. Рутченко-Рутыча (04.1916–04.05. 2013 гг.))	113
<i>Конохова А.С.</i> (Санкт-Петербург). Студенческий политический протест в Ленинградском государственном университете в 1950–1960-х гг.....	117
К 125-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА С.Н. ВАЛКА	
<i>Цамутали А.Н.</i> (Санкт-Петербург). Несколько добрых слов об С.Н. Валке	121
<i>Ганелин Р.Ш., Чернуха В.Г.</i> (Санкт-Петербург). Сигизмунд Натанович Валк – к 125-летию со дня рождения .	124
<i>Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). С.Н. Валк и Санкт-Петербургский университет	126

Н.А. Панин-Коломенкин – яркое явление в спорте, педагог, ученый, публицист, талантливая личность, впитавшая

в себя все новаторские достижения науки, духовные ценности своей родной Alma mater.

¹ Смирнов В.Н. Загадки первого русского олимпийца. СПб.: Smirnoff & C, 2011. С. 33; Панин-Коломенкин Н.А. Страницы из прошлого. М.: Физкультура и спорт, 1951. С. 154.

² Цит. по: Глезеров С.Е. Модные увлечения блистательного Петербурга. Кумиры. Рекорды. Курьёзы. М.: Центролиграф, 2009. С. 581.

³ Олесич Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: Бельведер, 2002. С. 19.

⁴ Олесич Н.Я. Чем выше пьедестал, тем шире кругозор. С.М. Волконский. СПб.: Изд. Санкт-Петербурга ун-та, 2002. С. 119.

⁵ Там же. С. 33–34.

⁶ Глезеров С.Е. Указ. соч. С. 537.

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ РОСТОВЦЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до XX в. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 328-94-48; E-mail: rostovtsev@hotmail.ru

В статье рассматриваются основные факторы правительственной политики в университетском вопросе в 1880-е гг. и ход реформы в Петербургском университете, связанной с введением в действие нового университетского устава 1884 г. Автор показывает, что первоначальные планы министра И.Д. Делянова, направленные на установление деятельного контроля министерства над системой преподавания, натолкнулись на сопротивление преподавательской корпорации.

Ключевые слова: университетский устав 1884 г., Санкт-Петербургский университет, И.Д. Делянов, Министерство народного просвещения (МНП), история высшей школы, история науки, история Петербургского университета, контрреформы Александра III, университетская автономия, студенческое движение, революционное движение в России.

СТОЛИЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ФОКУСЕ МИНИСТЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ (1884–1890)*

Санкт-Петербургский университет 80–90-х гг. XIX в. – центр научной и общественной жизни России, формирования интеллектуальной и бюрократической элиты империи. Научная литература, в которой затрагиваются различные аспекты истории столичного университета этого периода, обширна, однако основные историографические дискурсы формировались в рамках общих схем и мнений, высказывавшихся еще в на рубеже XIX–XX вв.¹ Общим местом в литературе стали представления о реакционном характере университетского устава 1884 г. и гонениях со стороны власти на университетскую либеральную преподавательскую корпорацию и студенчество². В то же время реальные последствия для университета введения нового устава и собственно механизм противостояния власти и университетской корпорации остаются в настоящее время до конца не проясненными. В этой связи важными для нашей статьи являются вопросы о том, какие цели преследовало Министерство народного просвещения (МНП) в ходе административных реформ в столичном университете, в какой степени они были достигнуты, как в результате усилий МНП оказались выстроены отношения между министерством, преподавательским сообществом и студенчеством?

Цели устава 1884 г. и институциональное устройство столичного университета

Напомним, что разработка устава 1884 г. началась задолго до так называемой эпохи контрреформ. Еще в 1875 г. по инициативе тогдашнего министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого была организована специальная комиссия, которая должна была проанализировать ситуацию в университетах и решить, какие нормы необходимо ввести для их полноценного функционирования. Ее председателем был назначен член Государственного совета, директор Публичной библиотеки и будущий министр

народного просвещения И.Д. Делянов. Комиссия пришла к ряду выводов, общий смысл которых сводился к необходимости срочных и значительных перемен в жизни высшей школы. Состояние дел в университетах было признано комиссией абсолютно неудовлетворительным. Значительной проблемой, характерной для всех университетов, являлась «неспособность» студентов окончить курс (за некоторые годы число «неокончивших» университет превышало число «окончивших»)³. Особые претензии были высказаны в адрес столичного университета – так, комиссия отметила, что в Санкт-Петербургском университете отсутствовала общая информация о студентах (имелись в виду данные об их распределении по специальностям, распределении по сословиям, по месту среднего образования и т.д.)⁴. По мнению комиссии, в университете отсутствовал контроль как за студентами, так и за образовательным процессом. Одной из основных бед университетов была названа бедность студентов, граничившая с нищетой⁵, при этом к выделению бедным студентам стипендий и помощи различных обществ комиссия относилась как к нежелательной практике. По ее мнению, профессора в университетах, сочувствуя неимущим студентам, снисходительно относились к ним на экзаменах, тем самым гарантируя им стипендию⁶. Одновременно комиссия отмечала проблему непрестижности университетского образования⁷. Обращает на себя внимание подробное описание комиссией проблемы отсутствия контроля за поведением студентов. В этом контексте особые претензии высказывались в адрес столичного университета – так, комиссия с неудовольствием констатировала, что в карцер студентов Санкт-Петербургского университета не заключали с 1866 г., а за 10 лет было всего семь выговоров и замечаний от ректора (при этом что случаев задержания студентов полицией с последующим преданием суду за тот же период в среднем происходило по 5–6 в год)⁸. Важной проблемой университетов, отмеченной комиссией, была разобщенность между студентами и разобщенность студентов с профессорами, на что указывали последние⁹. Подробно комиссия останавливалась и на проблемах преподавания. Было обращено внимание на существующую ситуацию, когда не было учебных планов, студентам читалось недостаточное число лекций, а профессора не составляли отчеты о своей работе, – все

* Статья подготовлена в рамках проектов тематических НИР СПбГУ (История Санкт-Петербургского университета в контексте истории Российского государства и общества, рук. проф. А.Ю. Дворниченко; Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть, рук. проф. Р.Ш. Ганелин). Автор благодарит за помощь в работе над статьей канд. ист. наук, науч. сотрудника ист. факультета СПбГУ И.В. Сидорчука.

это, по мнению комиссии, отражало снижение качества образования¹⁰. Выводы комиссии 1875 г. оказались востребованы только спустя несколько лет, в начале 80-х гг., после назначения ее бывшего председателя И.Д. Делянова министром народного просвещения.

Напомним об институциональных основах организации университета по Уставу 1884 г.¹¹ Основной структурной единицей преподавательской корпорации был факультет. Как и по Уставу 1863 г., столичный университет имел устройство, отличное от других университетов империи, будучи разделённым на четыре факультета: историко-филологический, юридический, физико-математический и восточных языков. Факультетские советы состояли из профессоров, как читающих обязательные лекции на данном факультете, так и уже вышедших на пенсию (и могущих вообще не вести занятий) – эти органы принимали все основные решения, связанные с внутрифакультетской жизнью (избрание профессоров и приват-доцентов, оставление на факультете студентов, распределение специальных средств, изменение учебных планов, присвоение ученых степеней и т.п.), утверждение которых если и требовалось вышестоящими структурами, то в большинстве случаев носило формальный характер. Факультеты, в свою очередь, делились на отделения (разряды), каждый из которых имел собственные выработанные факультетом (утвержденные затем университетским советом и Министерством народного просвещения) учебные планы.

Однако отделения факультета не являлись какими-либо административными или структурными единицами, условно объединяя не преподавателей, а студентов. Структурной ячейкой, которая объединяла преподавателей, была кафедра (количество и названия которых были закреплены в уставе). Между тем формально кафедра также не была административной единицей, скорее обозначая направление преподавания. Поэтому, например, один и тот же приват-доцент мог объявлять курсы по разным кафедрам. Кафедры не только не имели формальных заседаний и не принимали никаких решений, но и не имели даже формальной главы, поскольку в некоторых случаях одну кафедру в полном соответствии с буквой университетского устава замещали два (или более) равных по статусу профессора. Правда, в абсолютном большинстве случаев профессор на кафедре был один, и именно он на практике руководил ее работой. Профессора составляли университетский (профессорский) совет, который принимал все основные решения, связанные с жизнью университета. Во главе совета стоял назначенный ректор из числа университетских профессоров. В обязанности ректора входило как руководство текущими делами университетской жизни, так и взаимодействие с другими учреждениями и Министерством народного просвещения, которому подчинялся университет. Напомним, что ректорами университета в этот период были профессора И.Е. Андреевский (1883–1887), М.И. Владиславлев (1887–1890) и П.В. Никитин (1890–1897).

В течение всего рассматриваемого периода, согласно уставу 1884 г., в состав факультетов С.-Петербургского университета входило 44 кафедры. При этом по факультетам они распределялись следующим образом: 1) историко-филологический – 10; 2) физико-математический – 11; 3) юридический – 13; 4) восточный – 10. Университетский устав определял и количество ординарных и экстраординарных профессоров по факультетам: 1) историко-филологический – 12 ординарных профессоров, 5 экстраординарных и 4 лектора новых языков; 2) физико-математический – 12 ординарных профессоров, 5 экстраординарных; 3) юридический – 11 ординарных профессоров, 4 экстраординарных; 4) восточный – 6 ординарных профессоров, 3 экстраординарных и 8 лекторов восточных языков¹². Согласно новому университетскому уставу, законодательно права совета университета и факультетских советов были значительно урезаны в сравнении с Уставом 1863 г., а «права» попечителя и министерства, соответственно, расширены. Министр отныне не только стал назначать ректоров и деканов университетов, но и

получил право назначения профессоров без консультаций с советом. Любые изменения в составе университетских кафедр также утверждались министерством, им формировались государственные экзаменационные комиссии, регламентировались правила поведения для студентов и вольнослушателей, утверждались учебные планы, количество и время экзаменов, определялся размер платы за обучение, объем и порядок финансирования университетов и т.п. Все сношения с министерством университетские корпорации были обязаны осуществлять через попечителя соответствующего учебного округа¹³. Таким образом, И.Д. Делянову удалось создать условия для претворения в жизнь своей давней идеи – установления системы тотального государственного регулирования и контроля над процессом университетского преподавания. Однако долгое время в литературе за кадром оставался вопрос, насколько существенными (и болезненными для корпорации) были реальные изменения в университетской жизни – в особенности в жизни столичного университета?

Борьба с революцией и административные реформы

Прежде всего, следует отметить, что новый устав не только не решил проблемы студенческого движения, но, провоцируя в этой среде протестные настроения, скорее способствовал тому, что в годы так называемой реакции университетская молодежь оставалась хранителем революционных традиций. Разгромленный Центральный кружок студентов С.-Петербургского университета в 1883 г. уступил место Союзу молодежи партии «Народная воля» (во главе с П. Якубовичем и А. Гаусманом), на осколках которого, в свою очередь, осенью 1885 г. сформировалась Группа молодежи партии «Народная воля» (по инициативе М. Брамсона, А. Магата). Можно назвать и целый ряд нелегальных студенческих изданий, выходивших в 1882–1886 гг.: «Студенчество», «Свободное слово», «Голос молодежи»¹⁴.

В декабре 1885 г. полиции удалось разгромить Группу молодежи партии «Народная воля» – М. Брамсон и его товарищи были арестованы¹⁵. Однако на месте разгромленных кружков сразу возникали новые и не менее опасные. В декабре 1883 г. болгарский студент Д.Н. Благоев вместе со своими русскими товарищами по студенческой скамье (В.Е. Благославов, Н.А. Бородин, В.Г. Харитонов и др.) создает «Благоевский кружок», которому его организаторы дали громкое название «Партия русских социал-демократов» и начали пропаганду социал-демократических идей среди студенчества и петербургских рабочих¹⁶. Из числа студентов, вступивших тогда на поприще политической борьбы, впоследствии вышел ряд видных революционных деятелей, например М.С. Ольминский (тогда студент юридического факультета)¹⁷. Однако к 1885 г. деятельность группы была разоблачена, Д.Н. Благоев был арестован и этапным порядком выслан в Болгарию¹⁸.

Рядом с кружком Д.Н. Благоева можно поставить революционные кружки середины 80-х гг.: например кружок Семена Брыкина, в который вошли многие студенты Петербургского университета «кубанцы» и «донцы», в том числе и будущий известный писатель – А.С. Попов (Серафимович). Среди аналогичных революционных кружков можно упомянуть кружок Петра Буткова и Михаила Телескина, кружок братьев Андреевых и другие подобные организации¹⁹. Многие из них действовали под прикрытием землячеств петербургских студентов, которые хотя и не были официально разрешены, но существовали с молчаливого согласия руководства университета. В этой обстановке министерство издает новые «Правила для студентов во время прохождения университетского курса» (утверждены в мае 1885 г.)²⁰, согласно которым не допускались никакие действия студентов, носящие корпоративный характер, запрещалась организация любых публичных собраний, «не имеющих научного характера», в том числе «театральных представлений, концертов, балов», участие в «тайных обществах и кружках, хотя бы и не имеющих преступной цели», организация любых «сборищ», «произнесение публичных речей», «какие бы то ни было денежные сборы»²¹.

Борьба с крамолой шла на фоне структурной реформы университета в соответствии с новым уставом. Для преподавательской корпорации основной проблемой осени – зимы 1884 г. был перевод бывших доцентов в ряд экстраординарных профессоров. Для большинства доцентов проблема была решена удачно: в ноябре 1884 г. профессорами стали бывшие доценты И.В. Помяловский, В.Г. Васильевский, Е.Е. Замысловский, И.Е. Троицкий, П.В. Никитин, Ф.Ф. Соколов, А.В. Прахов, а также приват-доцент В.К. Эрнштедт (историко-филологический факультет), доценты С.А. Бершадский, Л.В. Дорн, Н.Д. Сергеевский, С.А. Ведров, В.А. Лебедев (юридический факультет), В.Д. Смирнов, А.М. Позднеев, Н.И. Веселовский (восточный факультет)²², в январе 1885 г. – С.П. Глазенап, Х.Я. Гоби, А.И. Воейков (физико-математический факультет)²³. Таким образом, большинство доцентов улучшило свое положение и в смысле социального статуса и в материальном смысле²⁴.

Следует отметить, что вопреки распространенному мнению практика выборов профессоров в Петербургском университете оставалась за единичными исключениями неизменной. В этой связи показателен ответ министра И.Д. Делянова одному из кандидатов, просивших о назначении на профессорский пост в столичном университете: «Нет, батенька, вы уж лучше проведите свою кандидатуру через петербургский (соответственный) факультет: этого факультета я и сам боюсь»²⁵. Так, например, И.М. Гревс, лишенный профессорства после событий 1899 г. и уволенный из университета, был в 1901-м «единогласным мнением» историко-филологического факультета рекомендован к возвращению на место профессора, в связи с чем последовало ходатайство ректора в министерство и его «назначение» на должность профессора. Своеобразным компромиссом с МНП служил уже сам факт «избранного им способа назначения» (т. е. по формальному распоряжению министра), на которое особо указывал в своем письме к попечителю учебного округа ректор А.Х. Гольмстен²⁶.

Даже в отношении магистратур, которые по новому уставу замещались исключительно решениями МНП, переход от выборов к системе назначений был мягким. Примечательно, что последний «выборный» ректор И.Е. Андреевский был переназначен в сентябре 1884 г.²⁷ и оставался на своей должности вплоть до скандала с разоблачением в 1887 г. действовавшей под прикрытием университета революционно-террористической группировки, возглавлявшейся А.И. Ульяновым. Также со временем согласно норме нового устава были «переназначены» и деканы всех четырех факультетов: историко-филологического (В.И. Ламанский), физико-математического (Н.А. Меншуткин), юридического (Ю.Э. Янсон), восточных языков (В.П. Васильев)²⁸.

Поскольку издание нового университетского устава, одобренного Александром III 23 августа, фактически совпало с началом учебного года, то и введение в действие его основных положений, связанных с новой системой преподавания, было, по существу, отложено МНП до следующего 1885/86 учебного года²⁹. С началом же этого учебного года университетский совет сразу же вступил в полемику с министром относительно Правил составления и предоставления обзоров преподавания и распределения лекций и практических занятий со студентами³⁰. Однако настоявшийся конфликт развернулся в ходе введения в действие в следующем учебном году подготовленных правил об испытаниях в государственных комиссиях, правил о зачете полугодий и примерных новых учебных планах, «спущенных» министерством университетским советам в августе 1885 г. Противостояние тянулось около двух лет – до мая 1887 г.³¹

Основной пафос заявлений министра, с которыми он вновь и вновь обращался к университетскому совету, заключался в усилении числа практических занятий. По словам И.Д. Делянова, «в высшей степени важно привлечение студентов к деятельности с их стороны усвоению предлагаемого научного материала <...> и должно достигаться как с помощью возможного усиления в преподавании элемента практических упражнений в аудиториях и в учебно-вспомогательных учреждениях университета»³².

Средством для введения практических занятий на многочисленных факультетах министр как раз видел систему полугодовых курсов, гонорара и приват-доцентуры, которая «дает возможность группировки студентов на немногочисленные аудитории и устройства параллельных курсов»³³. К ноябрю 1885 г. выяснилось, что все факультеты в практике своей работы решительно отходят от требований министерства³⁴, после чего И.Д. Делянов вынужден был провести специальное совещание с участием ректора, деканов и ряда профессоров³⁵. Надо отметить, что министр входил в детальное обсуждение не только учебных планов, но и вопросов, касавшихся расписания занятий, списков рекомендованной литературы по конкретным курсам и т.п.³⁶

Своеобразным ответом на претензии МНП стали требования профессуры о резком увеличении бюджетных ассигнований на деятельность университетских лабораторий и оплату труда научно-вспомогательного персонала в связи с увеличением числа практических занятий согласно нормам нового устава. В августе 1886 г. на заседании совета были обнародованы заявления ведущих профессоров А.В. Советова, И.М. Сеченова, Н.П. Вагнера, А.С. Фаминицына, А.Н. Бекетова, Ф.Ф. Петрушевского, В.В. Докучаева, А.А. Иностранцева, Ю.Э. Янсона, в которых констатировалось, что в рамках существующего министерского финансирования университет не в состоянии «правильно установить практические занятия» в таком количестве, которое «студенты вправе требовать» и которое «отвечает экзаменационным требованиям»³⁷. Ответственность за невозможность организации преподавания в соответствии с требованиями законами, таким образом, перелагалась на МНП.

Итак, как мы видим, уже в первые годы после введения в действие нового устава МНП пришлось вести борьбу на два фронта: с революционной студенческой фрондой и университетской профессурой. Кульминацией этого противостояния стал, с нашей точки зрения, 1887 г.

Дело 1887 г. и провал «бюрократического штурма»

История организации террористической народнической группы по главе с А.И. Ульяновым, существовавшей под прикрытием как полуполигального «Союза землячества», так и Студенческого научно-литературного общества в университете, широко изучена в литературе³⁸. Группа возникла в условиях упомянутого «брожения в умах» и нового роста революционной пропаганды, о которой было известно властям и которая так беспокоила министра³⁹. В январе 1886 г. из университета был изгнан приват-доцент В.И. Семевский, получивший громкую известность в качестве «развратителя молодежи»⁴⁰. Курс В.И. Семевского под названием «История крестьянского вопроса в связи с историей внутреннего быта России в XVIII и первой половине XIX века», читавшийся автором в 1883–1885 гг., несколько выбивался из общего строя университетского преподавания хотя бы потому, что по определению МНП «его лекции изобиловали неприличными картинами из крепостного права и быта помещиков»⁴¹. Однако студенчество этот приват-доцентский курс привлекал, большая аудитория, в которой Семевский читал свои лекции, с трудом вмещала всех желавших послушать оппозиционного оратора, и в конце концов стало очевидно, что он является одним из мест «распространения» радикализма⁴². В начале января 1886 г. И.Д. Делянов директивно отстраняет В.И. Семевского от преподавания⁴³. И если в среде преподавательской корпорации, по отношению к которой В.И. Семевский всегда держался обособленно, это решение публичного протеста не вызвало, то в студенческой среде оно пробудило новые волнения, организацию адреса опальному педагогу⁴⁴. Для группы «избранных» студентов, в том числе для А.И. Ульянова и участников его кружка, В.И. Семевский продолжал дочитывать прерванный курс лекций на дому⁴⁵. Во всяком случае, эффект от увольнения В.И. Семевского получился обратным, побуждавшим студенчество к новым протестным акциям. Тем более что тут же появился и новый повод – 25-летняя годовщина Манифеста 19 февраля 1861 г. В масштабной коммеморации, организованной на Волковском кладбище кружками революционного и полуреволюционного направления, приняло участие порядка 400

студентов⁴⁶. В результате в марте 1886 г. министр сообщает в циркуляре попечителю учебного округа, что, «к крайнему сожалению», «за последнее время стали поступать в министерство известия о том, что злоумышленники начали снова действовать темными способами пытаясь <...> уловить в свои сети не довольно осторожных из учащейся молодежи». В предложениях министра, адресованных инспекции и зачитанных в заседании совета университета, предписывается «бдительно следить» за проявлениями возможной агитации в студенческой среде в университете и «по возможности, вне оного», иметь под надзором тех из «молодых людей, которые обнаружили какое-либо участие в оной или склонность поддаться ее влиянию», «усугубить наблюдение за исправным посещением студентами лекций и исполнением всех обязанностей, возлагаемых на них правилами о зачете полугодий, причем профессоры и прочие преподаватели, без сомнения, не откажут в полном своем содействии в видах обеспечения правильного хода научных занятий в университете и предохранения молодых людей от гибельных для них последствий» и пр.⁴⁷ Среди предписаний министра были и такие психологическо-дидактические пассажи: «Не оставлять без внимания и незначительных проявлений дурного направления студентов, выражающегося иногда даже в мелочах, например, наружное неряшество и грубый тон со старшими или с низшими исполнителями приказаний Начальства бывают обыкновенно признаками начинающегося влияния противоправительственной агитации»⁴⁸. В условиях обострения «студенческого вопроса» совет университета никак не реагирует на министерские обращения, но в то же время пытается «перестраховаться», адресуя, например, запросы об «отпуске студентов» по болезни на срок свыше 28 дней непосредственно министру, пока И.Д. Делянов сам не издал постановление (сентябрь 1886 г.), предоставлявшее решение таких вопросов ректору⁴⁹.

Действительно, в стенах университета активно шла подпольная работа, прежде всего, в рамках Союза землячества, объединявшего подпольные студенческие кружки. Размах, который приобрела деятельность «землячеств», показывает масштаб так называемой «добрлюбовской демонстрации», прошедшей 17 ноября 1886 г. Первоначально демонстрация задумывалась А.И. Ульяновым и его сторонниками наподобие акции 19 февраля и была приурочена к 25-летию со дня гибели Н.А. Добролюбова, однако дело вылилось в столкновение с полицией и высылкой ряда демонстрантов из Петербурга⁵⁰. Добролюбовская акция до предела наэлектризовала обстановку в студенческой среде и подтолкнула организаторов акции к переходу к более радикальной тактике – в конце 1886 г. во многом стараниями А.И. Ульянова возникает «Террористическая фракция партии Народная воля», актив которой образуют университетские студенты: О.М. Говорухин, И.Д. Лукашевич, В.Д. Генералов и другие. Основной целью группы, возглавляемой «гордостью университета» (по словам его ректора И.Е. Андреевского)⁵¹, было убийство государя императора. Важно, однако, не столько само дело А.И. Ульянова, сколько та атмосфера в студенческой среде, которая его породила. Приведем в этой связи отрывок из воспоминаний бывшего студента О.М. Говорухина, являвшегося одним из участников заговора: «Однажды когда мы были заняты приготовлением жеребеек (элементы метательных снарядов. – Е.Р.), к Александру Ильичу пришел товарищ – Александр Серафимович, который не был посвящен в дело. У меня появилась мысль, что следовало бы прикрыть жеребейки газетой, и я сделал было уже соответствующее движение. Но Александр Ильич, как ни в чем не бывало, предложил тов. Серафимовичу сесть за стол помогать нам в работе. Александр Серафимович, не спрашивая, по свойственной ему деликатности, что и зачем, сел к столу и, приглядевшись, как мы работаем, стал нам помогать»⁵². Иначе говоря, изготовление бомб на дому представлялось университетским студентам делом естественным, почти обыденным. Между тем легальным прикрытием деятельности революционного кружка А.И. Ульянова, начиная с осени 1886 г., в определенной мере служило «Научно-литературное общество» при Петербургском университе-

те, основанное в 1882 г. секретарем естественнонаучной секции которого он являлся. Общество возглавлялось профессорами О.Ф. Миллером и Н.Л. Дювернуа⁵³.

Как известно, большинство участников организации, возглавлявшейся А.И. Ульяновым, было арестовано 1 марта 1887 г., т.е. в день, на который был назначен теракт. В университете произошедшее произвело впечатление разорвавшейся бомбы. 6 марта в актовом зале университета ректор зачитал речь, в которой попытался максимально дистанцировать университет от произошедшего, уменьшив и количество студентов в ряду заговорщиков, и время их обучения в университете: «Я бы не верил собственным моим глазам, если бы <...> этого не сообщало правительственное известие «задержано трое студентов С.-Петербургского университета и при них найдены разрывные снаряды» <...> Зачем, злосчастные, воспользовались они, и так недавно, не более 6 месяцев назад, гостеприимною дверью нашего университета? Они вошли в нашу прелестную студенческую семью, чтобы опозорить ее. Они сделали студентами, чтобы вызвать теперь нашу скорбь и тоску, что они были студентами <...> Мы знаем, конечно, что в течение столь короткого времени они не могли успеть еще подвергнуться тем благотворным влияниям, которым так способен Петербургский университет обнять свою университетскую молодежь. Мы знаем, конечно, что они не успели войти в тот процесс научной работы, которая стремится человека к труду, размышлению и объективности. <...> Но не все знают об этом. Многие по страшному известию, <...> могут делать общие заключения о наших студентах и нашем университете»⁵⁴. В том же заседании профессорский совет поспешил принять верноподданнический адрес государю, единогласно принятый и подписанный всеми членами. Текст этого документа вполне патетичен: «Три злоумышленника, недавно сделавшиеся к великому несчастью С.-Петербургского университета его студентами, своим участием в адском замысле и преступном сообществе нанесли университету невыносимый позор. Тяжко, скорбно, безвыходно! И в эти горестные дни С.-Петербургский университет в целом его составе, все его профессора и студенты, ищут для себя единственного утешения в Милостивом Государь, дозволении повергнуть к священным стопам Вашего Величества чувства верноподданнической преданности и горячей любви»⁵⁵. Ответ императора на адрес был достаточно сух: «Благодарю С.-Петербургский университет и надеюсь, что на деле (эти слова были подчеркнуты Александром III собственноручно. – Е.Р.⁵⁶), а не на бумаге только он докажет свою преданность и постарается загладить тяжелое впечатление, произведенное на всех участием студентов в преступном замысле. Да благословит его Господь на все доброе»⁵⁷.

Для студентов дело закончилось довольно быстро: на рассвете 8 мая 1887 г. А.И. Ульянов вместе со своими товарищами по университету (П. Шевыревым, В. Генераловым, В. Осипановым и П. Андреюшкиным) был казнен во дворе Шлиссельбургской крепости. Разумеется, что дело А.И. Ульянова было использовано МНП для усиления своих позиций в университете. Прежде всего, с подачи министра внутренних дел Д.А. Толстого было закрыто студенческое научно-литературное общество, а над его руководителем О.Ф. Миллером начали «сгущаться тучи», и вскоре он был отправлен в отставку в связи с его критической оценкой деятельности М.Н. Каткова на университетской лекции, читанной в начале осеннего семестра 1887 г., и отказом давать в этой связи какие-либо письменные объяснения попечителю учебного округа И.П. Новикову (сделавшему соответствующий запрос профессору по требованию министра И.Д. Делянова)⁵⁸. События 1887 г. по-разному сказались на судьбе деканов: если для Н.А. Меншуткина и Ю.Э. Янсона, на факультетах которых учились «террористы», они означали отставку, то для М.И. Владиславлева, напротив, развитие карьеры. Он сменил И.Е. Андреевского на посту ректора. И.Е. Андреевский также «согласно прошению» покидает и должность «заслуженного профессора» (причем ему была назначена пенсия в 3000 руб., т.е. в размере полного оклада)⁵⁹. Место

декана историко-филологического факультета замещает И.В. Помяловский, декана физико-математического факультета – С.П. Глазенап⁶⁰, который, впрочем, быстро отказывается от должности (летом 1888 г. его сменил проф. А.В. Советов)⁶¹. В.П. Васильев же оставался деканом факультета восточных языков до 1893 г., т.е. до своего 75-летия, когда его сменил «назначенец» В.Р. Розен⁶². Следует подчеркнуть, что все перечисленные «назначенцы», равно как и последующие назначенные ректоры (П.В. Никитин, В.И. Сергеевич, А.Х. Гольмстен, А.М. Жданов) и деканы (Н.Д. Сергеевский, С.Ф. Платонов), в свое время были избраны профессорами соответствующим факультетским и университетским советами. Таким образом, очевидно, что возможность назначения профессоров и упразднение доцентуры и даже практика назначения на административные должности не изменили закрытого корпоративного характера профессорской коллегии, что, в свою очередь, предопределяло известную солидарность в позиции по важнейшим вопросам университетской политики.

Однако одними репрессиями последствия дела «1 марта 1887 г.» не исчерпывались. Власть издает целую серию актов, направленных на ужесточение контроля над студенчеством. В целях «устранить из С.-Петербургского университета тот элемент учащихся, который вносит в оный беспорядки, смуту и даже крамолу», МНП разрабатывает и вводит в действие в июне 1887 г. новые правила приема в университет, направленные на создание системы «надзора» над студентами вне стен учебных заведений со стороны инспекции, родителей или лиц, их заменяющих, путем резкого ограничения возможности поступления в университет студентов из других учебных округов⁶³. Однако ни репрессии против заговорщиков, ни административные новации МНП не снизили градус социальной напряженности в университете. Более того, кадровая чистка и появление деканов-назначенцев только усилили протестные настроения. В декабре 1887 г. начинаются новые студенческие беспорядки под лозунгами возвращения университетской автономии и разрешения студенческих организаций. Ряд студентов столичного университета был арестован, а всего из университета была исключено 74 человека⁶⁴. При этом прогрессивные профессора, особенно из числа «мировых знаменитостей», имевших «вес» и широкое признание в науке и обществе, не скрывали своего неприятия «назначенцев» и своих симпатий по отношению к студенческому движению. В одном из полицейских донесений, направленных И.Д. Делянову в декабре 1887 г., говорится, например, следующее: «Профессора Бекетов и Менделеев выразились среди студентов, что полиция не имеет права производить аресты в стенах университета, о чем заявили ректору и просили возбудить судебное преследование против пристава Арапова»⁶⁵. Действительно, на студенческой сходке 11 декабря 1887 г. профессор Д.И. Менделеев, обращаясь к студентам, приглашая их успокоиться и разойтись, заявил, по воспоминаниям очевидцев, что «университет есть нечто целое, и всякая часть его должна жертвовать собой для пользы общей, поэтому я, профессор Менделеев, буду выразителем ваших желаний перед высшим начальством»⁶⁶. Д.И. Менделеев сдержал слово, выступая ходатаем за студенческие интересы и требования, в частности настаивая перед попечителем об увольнении назначенного ректора М.И. Владиславлева.

В этой атмосфере противостояние между МНП и либеральной профессурой обостряется. Министерство издает прямо-таки анекдотические распоряжения, регламентирующие отношения между преподавателями и студентами. В частности, обращает на себя внимание предложение министра от 23 мая 1887 г. за № 7795 о том, что «допускаемый в некоторых университетах обычай дозволять студентам отвечать во время испытаний сидя не соответствует правилам приличия <...> чтобы отныне студенты университета давали ответы при испытаниях стоя». При этом «его высокопревосходительство присовокупил, что ответственность за неисполнение настоящего распоряжения должна быть возложена на самих гг. преподавателей, производящих испытание»⁶⁷.

С большей, чем раньше, бесцеремонностью власть реагирует на предложения корпорации, которые в той или иной форме кажутся оппозиционными. В этой связи показателен правительственный ответ на ходатайство совета университета об устройстве по подписке памятника покойному академику А.М. Бутлерову в Казани. Официальный ответ, представленный попечителем, гласил, что «г. министром сделано было по сему вопросу сношение с министром внутренних дел, который уведомил, что, не отрицая заслуг Бутлерова для науки, он находит, однако, что память достоинств и трудов покойного едва ли можно дать имени его право стать в сознании народном наряду с именами великих русских деятелей, монументами которых украшены города империи. Ввиду приведенного отзыва действительного тайного советника графа Толстого, с которым г. министр народного просвещения, со своей стороны, вполне согласен, его высокопревосходительство предложением от 30 мая за № 8306 уведомил, что ходатайство С.-Петербургского университета удовлетворению подлежать не может»⁶⁸. В том же ряду стоит, например, и запрет министра на исполнение решения совета университета, постановившего установить портрет профессора Янсона в комнате университета, в которой должна была содержаться подаренная им библиотека⁶⁹. Демонстративным жестом выглядит и отказ министра в зачислении в срок службы профессора И.М. Сеченова 10 лет, проведенных им на службе не в университете, а в профессорских должностях в Медико-хирургической академии, что должно было бы обеспечить ему звание заслуженного профессора⁷⁰. Разумеется, подобная политика МНП вызывала постоянное напряжение в университетском совете. Так, специально сформированная комиссия университетского совета выступила с резкой критикой министерского решения, касавшегося И.М. Сеченова⁷¹, после чего совет начал переписку с МНП, направленную на пересмотр данного решения⁷², пока сам профессор в январе 1888 г. не попросил совет ее прекратить⁷³. Можно предположить, что эта история послужила одним из поводов для решения знаменитого профессора об оставлении столичного университета и переезде в Москву.

В конце 1887 г. власть предпринимает меры, чтобы не допустить повторения беспорядков⁷⁴, а празднование следующей годовщины – 8 февраля 1888 г. – было отменено императором по предостережению МНП⁷⁵. 14 января состоялось весьма резонансное решение совещания министров внутренних дел, народного просвещения и государственных имуществ, в котором назначалась дата возобновления занятий в университете (21 января) и содержалось указание «через начальство учебного округа, совету университета предложение, в котором разъяснить профессорам обязанности их по отношению к нравственному воздействию их на студентов» и «через министра народного просвещения самым решительным образом объявить деканам факультетов для сообщения преподавателям университета, что в случае возобновления беспорядков и могущей, сверх чаяния, оказаться необходимости прекратить учебные занятия на более или менее продолжительное время, все служащие в университете будут уволены от службы, так как невысказано и несправедливо, чтобы податные средства, собираемые с народа, обращались на содержание лиц, которые не будут нести никаких служебных обязанностей»; также предписывалось «объявить студентам, что, в случае прекращения лекций, им не будет зачтено целое полугодие и производство стипендий прекратится»⁷⁶. Обсуждение этого постановления совещания министров в заседании совета университета 20 января 1888 г. не было допущено ректором М.И. Владиславлевым, поскольку, как справедливо отмечает современник событий, ректор «предвидел, в каком смысле оно было бы ведено»⁷⁷. Особенно ярко эти настроения проявились в заседании физико-математического факультета, которому министр, по частной просьбе декана С.П. Глазенапа, разрешил обсудить предложения министерства. Впрочем, имея в виду публично заявленную критическую в отношении МНП по-

зицию таких видных членов факультета, как А.Н. Бекетов, И.М. Сеченов и Д.И. Менделеев, предугадать результат такого обсуждения было несложно. Факультет не только решительно осудил политику ректора-назначенца, но и «отказался от деятельного участия в применении предложения г.министра», подчеркнув, что «занятия наукой не всегда способны всецело поглотить умы учащегося юношества, а пример людей старшего поколения не всегда способен найти подражание в более молодом» и «дополнить эти средства другими, необходимыми для водворения прочного спокойствия и мирного процветания университета, не во власти профессоров»⁷⁸. Иными словами, профессоры ясно давали понять министерству, что виной всему является его собственная политика, направленная на ущемление «университетской автономии». О нарастающем раздражении профессорской коллегии деятельностью МНП свидетельствовало заявление одного из его наиболее уважаемых членов, профессора В.И. Ламанского, сделанное в том же заседании 20 января 1888 г., не встретившее в совете возражения, а потому включенное в его протокол как общее решение. По мнению В.И. Ламанского, с вступлением в совет новых членов необходимо читать «как прежде» записки об их научных трудах «для охранения авторитета совета университета». При этом В.И. Ламанский предлагал «принять за правило: о тех новых членах, которые назначаются г. министром по рекомендации или выбору факультетов, читать записки составленные профессорами соответственных факультетов, о тех же, которые назначаются г. министром без ведома последних, читать записки или представления, на основании которых последовало такое решение г. министра»⁷⁹. Такое решение, как бы обязывающее министра давать отчет о научных достоинствах своих назначенцев, было очевидным свидетельством роста оппозиционности профессорского совета.

Парадоксально, но в этих условиях назначенцы, занявшие должностные позиции в университете, были вынуждены там, где возможно, идти навстречу корпорации, а министерство, в свою очередь поддерживая их, молчаливо соглашалось с фактической ревизией собственной реформы преподавания. Характерно, что ректорство философа М.И. Владиславлева способствовало постепенному отступлению министерства от прежнего диктата в гуманитарных дисциплинах. По словам профессора А.И. Введенского, в период ректорства М.И. Владиславлева «Владиславлев энергично содействовал переработке программ историко-филологического факультета, введенных с 1884 г., что имело особое значение для части философии: по программам 1884 г. ее преподавание было ограничено лишь изучением учений Платона и Аристотеля; с переменной же этих программ преподавание ее было восстановлено в том же объеме, как оно велось и раньше с 1863 г.»⁸⁰. Надо сказать, что М.И. Владиславлев вообще был достаточно активен в реформировании учебного процесса согласно требованиям науки и пожеланиям корпорации. Именно при ректоре-назначенце усилила корпорация, направленные на отстаивание своей академической независимости от министерства, в конце концов увенчались успехом и по другим направлениям: МНП стало на рубеже 1880–1890-х гг. в автоматическом режиме утверждать факультетские «Обозрения преподавания» и отказалось от практики утверждения обозрения на каждое полугодие, практически в полном объеме была возобновлена и система полукурсовых испытаний на всех четырех факультетах (историко-филологическом, юридическом, физико-математическом, восточных языков)⁸¹. Иными словами, была фактически восстановлена прежняя система преподавания. Можно сказать, что с конца 1880-х гг. министерство фактически отказалось от практики мелочного контроля за научной и учебной сторонами преподавания в столичном университете.

С этого времени абсолютным приоритетом деятельности МНП становится контроль за студенчеством. Поняв, что достичь помощи профессуры в борьбе с крамолой никакими угрожающими циркулярами не удастся, министерство идет на решительное расширение полицейских и надзорных мер в отношении собственно источника крамолы – студенчества. Так, с 1889 г. МНП вводит в действие циркуляр, рас-

ширявший права университетской инспекции: «Инспектор имеет право производить при помощи помощников особенное наблюдение за внеуниверситетской жизнью более или менее сомнительных студентов, причем необходимо иметь в виду и некоторые лица, не принадлежащие к составу студентов, но имеющие большое соприкосновение со студенческим кружком и могущие дурно влиять на студентов <...> поручить инспекции, при посредстве полиции иметь строгое наблюдение <...> в городе неразрешенных студенческих «вечеринок», на которые как показал опыт, главным образом, и составляются планы студенческих демонстраций и вербуются участники их»⁸⁴. В соответствии с этим циркуляром по всему городу была организована слежка за студенческими квартирами (причем роль информантов о «сборищах» выполняли дворники)⁸⁵. Как справедливо отмечается исследователями, тайный характер студенческих организаций, обусловленный запретительной политикой режима, сам по себе, как правило, способствовал тому, что первые роли в этих кружках (землячествах, кружках образования и т.п.) играли радикальные и авантюрные элементы, создавая тем самым базу для оппозиционно-революционного движения в студенческой среде⁸⁴.

Между тем профессорская корпорация, только что успешно выдержавшая «бюрократический натиск», в большинстве своем, очевидно, в этом противостоянии поддерживала студенчество. В марте 1890 г. Д.И. Менделеев, бывший одним из ее неформальных лидеров, лично передал министру студенческую петицию, в которой ставились вопросы о признании студенческих корпораций, свободе сходов, восстановления Научно-литературного общества⁸⁵. Свой уход из университета (сделанный вопреки коллективной просьбе университетского совета⁸⁶) всемирно известный химик объяснял неудачей своих усилий: «Вышел из университета, защищая и его авторитет и студенчество. Тут горького нет у меня, а есть только явная вражда к режиму, родившему <...> поверхностных радетелей, к каким, прежде всего, надо, по мне, причислить гр. Д.А. Толстого и Делянова»⁸⁶.

Весной 1890 г. во время студенческих беспорядков университет понес и другую потерю – тяжело заболел и быстро сошел в могилу ректор-назначенец М.И. Владиславлев. Новому ректору П.В. Никитину, сменившему М.И. Владиславлева, приходилось лавировать между властью, студенчеством и либеральными профессорами, которые относились ко всем правительственным «назначенцам» настороженно. Характерна в этом смысле запись в дневнике Н.Н. Платоновой, супруги профессора С.Ф. Платонова (недавно не без помощи П.В. Никитина назначенного на эту должность): «...был [у нас] Ламанский; он удивляется, зачем Никитин принял ректорство: единственный на всю Россию удачный филолог-грек, академик, человек вполне обеспеченный добровольно отказывается от науки ради видного положения: после этого Немцы с полным правом могут говорить: к чему избирать в Академию русских, когда они ради лишнего ордена готовы бросить науку. По мнению Ламанского, положение Н[икити]на будет не из легких: один Сергеевич способен отравить ему жизнь. Вообще все профессора неодобрительно смотрят на Н[икити]на: Л[аманск]ий предсказывает, что профессора не будут ходить к нему, как не ходили к Владиславлеву»⁸⁸.

Таким образом, устав 1884 г. и последовавший за ним «бюрократический натиск» на университетскую корпорацию являлись не столько элементом программы «контрреформ», сколько реализацией давних замыслов министра народного просвещения. В его глазах они имели очевидную цель – утвердить более эффективную модель государственного университета, где образовательный процесс тщательно регламентировался, а преподаватели выступали в роли государственных чиновников, выполняющих одновременно учебные и воспитательные функции. Однако довольно быстро стало ясно, что МНП не в состоянии сломить сложившуюся академическую практику преподавания, которую решительно отстаивала университетская корпорация. События 1887 г. показали,

что министерство не в состоянии вести борьбу на два фронта – со студенческой фрондой и профессорской оппозицией. После 1887 г. основным приоритетом политики И.Д. Делянова в столичном университете становится контроль не за образовательным процессом, а за общественным движением в студенческой среде. Это позволило университетской профессуре удалиться сохранить, во-первых, характер самопополняемой коллегии, а профессорскому совету остаться основным органом

принятия решений по основным вопросам университетской жизни. Можно сказать, что к концу 1880-х реальная автономия университета стала шире юридической; другим следствием политики министерства стало формирование солидарной оппозиции власти со стороны либеральной профессуры и радикального студенчества, что, в свою очередь, стало одной из важных предпосылок университетских потрясений начала XX в.⁸⁹

¹ Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В. Академическая корпорация столичного университета в фокусе историографии // Клио. Журнал для ученых. 2012. № 7. С. 47–62.

² См., напр.: Щетинина Г.И. Университеты России и устав 1884 г. М., 1976.

³ Университетский вопрос (Извлечение из материалов, собранных отделом Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра Общего Устава российских университетов, при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 года // ЖМНП. 1876. Ч. 187. Отд. IV. С. 134–135.4

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Там же. С. 137–139.

⁶ Там же. С. 141.

⁷ Там же. С. 138.

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Там же. С. 142.

¹⁰ Там же. С. 148.

¹¹ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX: Царствование императора Александра III. 1884 год. Стб. 985–1026.

¹² Там же. Стб. 1001–1004.

¹³ Там же. Стб. 986.

¹⁴ См.: Жуйкова Р.Г. Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета 80-х годов XIX в. // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Вып. II. С. 44–48.

¹⁵ См.: Там же. С. 46.

¹⁶ См. об этом: Лапшина Р.Г., Жуйков Г.С. Революционные и демократические кружки в Петербургском университете в 1883–1891 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 25–28.

¹⁷ Аминина М.Н. Михаил Степанович Ольминский // Петербургский университет и революционное движение в России... С. 139–140.

¹⁸ См.: История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 89–91.

¹⁹ См. об этом: Лапшина Р.Г., Жуйков Г.С. Указ. соч. С. 26–39.

²⁰ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских Российских университетов. СПб., 1885. См. также: Завьялов Д.А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... к.и.н. СПб., 2006. С. 102–103; Johnson P.W.: 1) Taming Student Radicalism: The Educational Policy of I.D. Delianov // Russian Review. Vol. 33. № 3 (Jul., 1974). P. 261–262; 2) I.D. Delianov and Russian Education Policy. Atlanta, 1971.

²¹ Правила для студентов и сторонних слушателей...

²² Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 26 ноября 1884 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1884–1885 академического года. СПб., 1885. № 31. С. 31–33.

²³ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 28 января 1885 г // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886 академического года. СПб., 1886. № 32. С. 5–6. См. также формулярные списки профессоров университета (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16332).

²⁴ См. подробнее: Ростовцев Е.А. Университетская реформа 1884 г. в Санкт-Петербургском университете // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2013. № 2. С. 139–145.

²⁵ Цит. по: [Тихонов И.Л.] Борьба за автономию // 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет / Сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; под ред. Л.А. Вербицкой. Летопись 1724–1999. СПб., 1999. С. 201.

²⁶ Ректор – МНП, 4 октября 1901 г., № 201, Копия // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182. Л. 22–22 об.

²⁷ Отчет С.-Петербургского университета за 1884 г. СПб., 1885. С. 7.

²⁸ Там же. С. 7.

²⁹ См.: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 24 сентября 1884 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1884–85... С. 15–21.

³⁰ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 августа 1885 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1885–1886 академического года. СПб., 1886. № 33. С. 3–12; Представления деканов факультетов и мнения профессоров по запросу Министерства народного просвещения о зачете полугодий, о гонораре доцентов и других вопросах устава 1884 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 386.

³¹ См., напр.: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 августа 1885 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1885–1886... № 33. С. 3–12; Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 2 сентября 1885 г. // Там же. С. 20–25, 46.

³² Там же. С. 25.

³³ Там же. С. 26.

³⁴ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 4 ноября 1885 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1885–1886... № 33. С. 46–54.

³⁵ Там же. С. 47.

³⁶ См. подробнее: Ростовцев Е.А. Университетская реформа 1884 г... С. 139–145.

³⁷ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 августа 1886 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1886–1887 академического года. СПб., 1887. № 35. С. 26–33.

³⁸ Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.: Сборник, составленный А.И. Ульяновой-Елизаровой. М.; Л., 1927; Итенберг Б.С., Черняк А.Я. Александр Ульянов. М., 1966; Чеботарев И.Н. Воспоминания об Александре Ульянове и петербургском студенчестве 1883–1887 гг. // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. Л., 1963. Т. I. Петербургский университет. 1819–1895. С. 221–224.

³⁹ См., в частности: Сладкевич Н.Г. К. Маркс и передовое студенчество Петербургского университета 60–80-х годов XIX века // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Вып. I. С. 111–113.

⁴⁰ См.: Марголис Ю.Д. Шевченковские годовщины и Петербургский университет // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. Вып. IV. С. 45.

⁴¹ Цит. по: Критский Ю.М. В.И. Семевский и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1969. №2. История. Язык. Литература. Вып. 1. С. 167.

⁴² О лекциях В.И. Семевского в университете см., напр.: Вересаев В.В. В студенческие годы // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. I. С. 202–203.

- ⁴³ Критский Ю.М. Указ. соч. С. 167. См. о решении о «прекращении лекций приват-доцента В.И. Семевского»: Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1886 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886... №34. С. 9. Ср.: Сватиков С.Г. Опальная профессура 80-х гг. // Голос минувшего. 1917. №2. Февраль. С. 48–50.
- ⁴⁴ Критский Ю.М. Указ. соч. С. 167. Ср.: Saunders D. The Political Ideas of Russian Historians // The Historical Journal. Vol. 27. №. 3 (Sep., 1984). P. 762–764.
- ⁴⁵ Итенберг Б.С., Черняк А.Я. Указ. соч. С. 102.
- ⁴⁶ См.: Ростовцев Е.А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // Клио. Журнал для ученых. 2011. №4 (54). С. 91.
- ⁴⁷ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 17 марта 1886 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886... №33. С. 58.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 9 сентября 1886 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1886–1887... №35. С. 19.
- ⁵⁰ См., напр.: Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 50. Ср.: Ольховский Е.Р. Добролюбовская демонстрация 1886 г. и ее оценка современниками и в исторической литературе // Российские университеты в XIX – начале XX века. Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 106–127.
- ⁵¹ См., напр.: История Ленинградского университета. Очерки... С. 86. Сочинение А.И. Ульянова на тему: «Об органах сегментарных и половых пресноводных Annullata» по представлении физико-математического факультета было удостоено золотой медали (Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 3 февраля 1886 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886... № 33. С. 18).
- ⁵² Цит. по: Гладковская Л.А. А.С. Попов-Серафимович в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета... Вып. I. С. 122.
- ⁵³ См., напр.: История Ленинградского университета. Очерки... С. 86, 621.
- ⁵⁴ Отчет С.-Петербургского университета за 1887 г. СПб., 1888. С. 2.
- ⁵⁵ Журнал экстренного заседания совета С.-Петербургского университета. 6 марта 1887 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1886–1887 академического года. СПб., 1887. №36. С. 89.
- ⁵⁶ См.: Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 61.
- ⁵⁷ Журнал экстренного заседания совета С.-Петербургского университета. 23 марта 1887 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1886–1887... №36. С. 99.
- ⁵⁸ История Ленинградского университета. Очерки... С. 621. Ср.: Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 50–53, 60–69. В то же время следует учитывать, что О.Ф. Миллер уже выслужил свой 25-летний срок службы и в любом случае должен был в ближайшее время ее оставить. Примечательно, что «репрессированному» профессору была назначена полная пенсия (Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1888 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1888 года. СПб., 1888. №38. С. 5).
- ⁵⁹ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 сентября 1887 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887–1888 академического года. СПб., 1888. № 37. С. 5.
- ⁶⁰ Отчет С.-Петербургского университета за 1887 г.... С. 11.
- ⁶¹ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 17 октября 1888 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1888 г. СПб., 1889. №39. С. 5.
- ⁶² 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет... С. 235.
- ⁶³ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 сентября 1887 г.... С. 7–8.
- ⁶⁴ Георгиевский А.И. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 226–227.
- ⁶⁵ Цит. по: Макареня А.А., Филимонова И.Н. Д.И. Менделеев и Петербургский университет. Л., 1969. С. 41. Ср.: Георгиевский А.И. Указ. соч. С. 225.
- ⁶⁶ Цит. по: Макареня А.А., Филимонова И.Н. Указ. соч. С. 41.
- ⁶⁷ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 30 мая 1887 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1886–1887. ... № 36. С. 130.
- ⁶⁸ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 21 сентября 1887 г. ... С. 6.
- ⁶⁹ Там же. С. 7.
- ⁷⁰ Там же. С. 10–11.
- ⁷¹ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 2 ноября 1887 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887–1888... № 37. С. 24.
- ⁷² Там же. С. 30–31.
- ⁷³ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1888 г.... С. 3. Ср.: Сеченов И.М. Профессорство в Петербургском университете (1876–1888) // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. I. С. 163–164.
- ⁷⁴ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 14 декабря 1887 г.... С. 30–31.
- ⁷⁵ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1888 г.... С. 4.
- ⁷⁶ Цит. по: Георгиевский А.И. Указ. соч. С. 237.
- ⁷⁷ Там же. С. 241.
- ⁷⁸ Цит. по: Там же. С. 242.
- ⁷⁹ Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 20 января 1888 г.... С. 3–4.
- ⁸⁰ Введенский А. Владиславлев Михаил Иванович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894. СПб., 1896. Т. 1. А – Л. С. 155. Ср.: Козьбарь Л.И. Логика в Санкт-Петербургском университете // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2003. С. 174.
- ⁸¹ См.: Журнал заседания совета Императорского С.-Петербургского университета. 4 февраля 1891 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1891 г. СПб., 1891. № 44. С. 6–7; Журнал заседания совета Императорского С.-Петербургского университета. 30 сентября 1891 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1891 г. СПб., 1892. № 45. С. 7–8.
- ⁸² Цит. по: Завьялов Д.А. Указ. соч. С. 107.
- ⁸³ Там же. С. 107–108.
- ⁸⁴ Там же. С. 110.
- ⁸⁵ Петербургский университет и революционное движение в России... С. 109.
- ⁸⁶ Журнал заседания совета Императорского С.-Петербургского университета. 9 апреля 1890 г. // Протоколы заседаний совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1890 г. СПб., 1890. №42. С. 29.
- ⁸⁷ Цит. по: Макареня А.А., Филимонова И.Н. Указ. соч. С. 41.
- ⁸⁸ Дневник Н.Н. Платоновой. 21 ноября [1890 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 31–31об.
- ⁸⁹ См.: Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 75–121.